

Надпись-граффито 1198 года из Георгиевского собора Юрьева монастыря*

В 2013 г. Новгородский архитектурно-археологический отряд начал исследования внутри Георгиевского собора Юрьева монастыря: было заложено два шурфа, в средней абсиде и в северной ветви креста собора, в которых было зафиксировано наличие древних, первоначальных конструкций, а также то, что в качестве подсыпок под два поздних пола, рубежа XVII–XVIII вв. и начала XIX в., были использованы фрагменты сбитых со стен фресок¹.

В 2014 г. археологические работы были развернуты во всей восточной половине собора, были обнаружены первоначальные конструкции: первый пол собора, синтрон, три престола (в средней и боковых абсидах), основания алтарной преграды перед южной абсидой². Кроме того, на стенах собора были раскрыты большие фрагменты фресковых росписей, большинство из которых является мраморировками или полилитиями, фресковыми подражаниями полированным мраморным плитам, украшающим нижние части стен византийских храмов³. В засыпках под поздними полами было открыто несколько тысяч фрагментов фресковой живописи, в том числе несколько десятков ликов и множество кусков с

частями одежд, надписей, архитектурных фонов. Среди этих фрагментов довольно многочисленную группу составляют куски сбитой со стен штукатурки с процарапанными надписями. Самой большой из этих надписей посвящена настоящая статья.

На западной стороне межалтарного прохода (это восточный фас восточной лопатки юго-восточного подкупольного столба храма) из средней абсиды собора в южную боковую абсиду внизу сохранился небольшой участок фресковой росписи с зеленым фоном и красной линией разгранки справа, на ребре столба (рис. 1, 2). Выше фреска уничтожена кирпичной вычинкой столба, относящейся к началу XIX в. Под этим местом и южнее в процессе раскопок были обнаружены многочисленные фрагменты с граффити. Часть их сложилась в результате – из 30 кусков разного размера – в единый блок⁴, центральную часть которого занимает большая девятистрочная надпись с утраченными левым и правым краями; это и есть надпись 1198 г. Помимо нее, блок содержит, в более или менее фрагментированном виде, еще несколько граффити, среди которых выделяется надпись о смерти архиепископа Антония 1232 г. (рис. 3).

Участок штукатурки, сохранивший эти тексты, приходится на стык двух тонов фона: зеленого внизу (здесь расположена надпись 1198 г.) и сиреневого сверху; два тона разделены белой полосой разгранки.

Мы можем с большой уверенностью утверждать, что зеленый фон фрески, на котором сделана надпись 1198 г., является продолжением того зеленого фона, который зафиксирован в нижней части простенка на стене. Это значит, что надпись сделана в верхней части нижней полосы фресок; в этом месте мраморировок не было, здесь был ровный зеленый фон, ограниченный по сторонам, на краях

⁴ Благодарим И. Ю. Анкудинова, принявшего деятельное участие в соединении фрагментов блока и прочтении надписей, и Т. А. Ромашкевич, производившую их реставрацию.

* Статья написана при поддержке РГНФ (грант № 13-01-00212а «Подготовка свода надписей-граффити Новгорода Великого XI–XVII вв. Часть 2»).

¹ Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Архитектурно-археологические исследования Пантелеймонова и Юрьева монастырей в Великом Новгороде в 2013 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 28. Великий Новгород, 2014. С. 94–115.

² Седов Вл. В. Археологические находки 2014 года в Георгиевском соборе Юрьева монастыря // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. 1 (78). С. 175–185.

³ Седов Вл. В., Кадейшвили Е. А., Вдовиченко М. В. Фрески XII в. на стенах Георгиевского собора Юрьева монастыря под Великим Новгородом, открытые в ходе археологических работ 2013 г. // Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. 7. М.; СПб.: Коло, 2014. С. 15–19.

Рис. 1. Место расположения на стене и находки надписи 1198 г.

лопатки, красными вертикальными полосами разграники, а сверху сменяющийся лиловым фоном, причем линия стыка фонов подчеркнута довольно узкой (1 см) полосой белого тона.

Сделанная на зеленом фоне в самом верху нижней полосы фресок, то есть на высоте примерно 90–110 см от уровня первоначального пола, надпись 1198 г. находилась на уровне груди стоящего (высота первого регистра определяется по аналогии с зафиксированной в других местах собора высотой фресок нижнего ряда). Выше, уже на лиловом фоне, в 1232 г. была сделана надпись о смерти новгородского архиепископа Антония⁵.

⁵ Предваряя публикацию комплекса, приводим ее текст: (Въ лѣто) шесть (т)[ы]с(я)[щ]ьное| [·ψ]м· (6740) преста[в]исл (а)[рхи]епискѣпо О[н]тони на ѿти Пе[ла]гиа. Согласно летописи, Антоний умер 8 октября 1232 (6740) г. (НПЛ. С. 72). Память св. Пелагеи приходится на эту дату.

НААО НАЭ 2014
 Георгиевский собор Юрьева монастыря
 Участок VII
 Фрагмент разверстки (восточная грань) юго-восточного столба (восточный столб южной линии столбов)
 Фасад
 Фреска

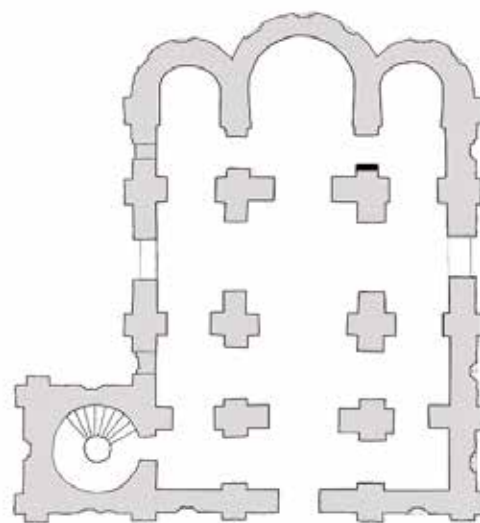
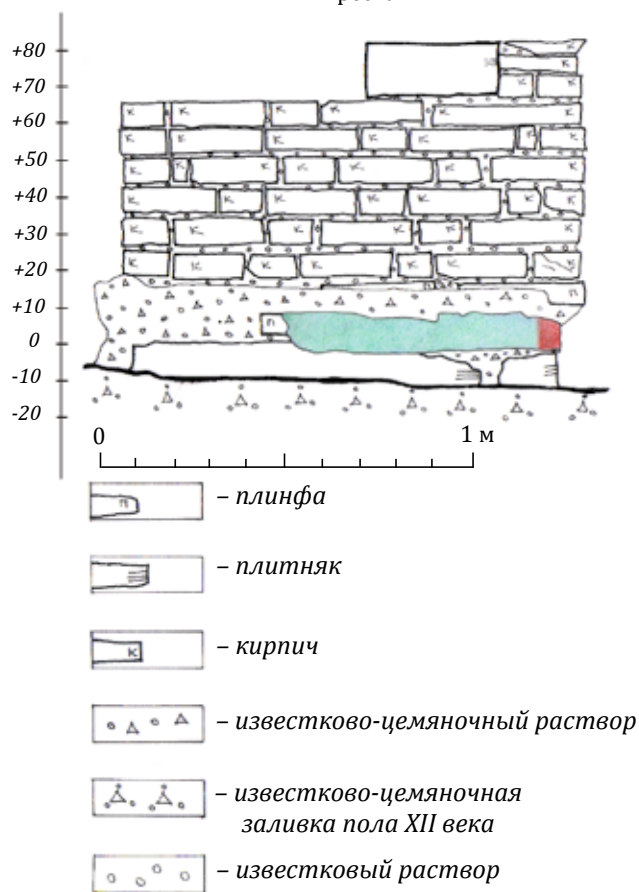

Рис. 2. Восточная лопатка юго-восточного столба. Фрески на стенах. Чертеж Ю. Фомичевой

Рис. 3. Блок с надписями 1198 г. (в центре) и 1232 г. (вверху справа)

Все фрагменты большого блока, включающего надпись 1198 г. и надпись 1232 г., были найдены на участке VII, расположенном в западной части южной боковой абсиды собора. Эти участки были до раскопок покрыты сплошной цементной заливкой (отметки +62–+65) по кирпичному полу начала XIX в. Ниже пола следовала песчаная подсыпка под него, а ниже залегал мощный (40 см) слой, в основном состоящий из сбитых во время перестройки храма в 1820-х гг. фрагментов первоначальной фресковой росписи. Мы можем утверждать, что часть росписи сбивалась прямо вниз, то есть не переносилась в ведрах или носилках, а обрушалась со стен и только потом дополнялась другими прослойками. Эти фрагменты, обрушенные со стен, лежали в нижней части слоя с фресками довольно компактно, примерно в радиусе до 1–1,5 м от места расположения надписей на стене, или к востоку от восточной плоскости столба, то есть в межалтарном проходе, или к югу и юго-востоку от этой плоскости, то есть в северной части южной боковой абсиды. Ясно, что до ремонта и перестройки храма 1820-х гг. надписи располагались на стенах.

Ниже слоя с фресками следовала подсыпка или даже плиты некоего промежуточного пола (отметки +12–+20). По отметкам этот пол, почти полностью разобранный, соответствует настилу из плит в средней абсиде, то есть он относится к рубежу XVII–XVIII вв. Расчищенная песчаная подсыпка относится к этому полу. На уровень этого пола и сбивались фрески во время ремонта 1820-х гг.

По мере расчистки песчаной подсыпки под пол рубежа XVII–XVIII вв. на участках VI и VII в южной абсиде открылась известково-цемяночная заливка под первоначальный пол (отметки -13 -16); в этой

заливке отпечатались швы между плитами, давно снятыми, что позволяет реконструировать рисунок первоначального плитяного пола. В северо-западной части на месте сохранились две плиты на отметках -4 -8, несколько плит этого пола на отметках -12 -16 сохранилось вдоль скругления стены абсиды.

Надписи 1198 и 1232 гг. были сделаны в алтаре, отделенном от наоса алтарной преградой, проходившей у западных лопаток восточной пары крестообразных подкупольных столбов. Они не были предназначены для широкого круга посещавших собор, это были надписи поминального характера, вполне официальные, вероятно, утвержденные монастырскими властями, но сокрытые в алтаре и служащие мемориальным целям; возможность читать их имела только у узкого круга клира, допущенного в алтарь собора. Надписи были процарапаны, напомним, на восточной лопатке юго-восточного столба, на высоте около 1 м (или даже чуть больше) от уровня пола.

Надпись 1198 г. (рис. 4) состоит из девяти строк, края ни одной из которых не сохранились; строки с 1-й по 5-ю сохранились на ширину 24–25 см, а строки с 6-й по 9-ю – на ширину 21–22 см. Средняя высота букв в строке – 6 мм. Надпись сделана уверенным книжным почерком. Ее сохранившаяся часть содержит 50 слов, а реконструируемый полный текст – 66 слов. Это делает публикуемое граффито самым пространственным из памятников новгородской эпиграфики XI–XIII вв. (для сравнения: следующий за ним по протяженности текст – ктиторская надпись церкви Спаса на Нередице – содержит 44 слова).

С разделением на слова и бесспорными конъектурами⁶ сохранившийся текст надписи имеет следующий вид:

... (ию)на въ к̄ прѣстависѧ князь (Р)[ос]тисл(авъ) ...
 ... (благо)чѣстиваго (и) боголюбиго к(н)ѧзѧ Ѧро ...
 ... е[г]о Изѧсла(в)ѣ прѣстависѧ мѣцѧ ию ...
 ...нѣ въ кнѧ(ж)ени своем[ь] на Лука(хъ) ...
 ...со--цинь--привезоша и в[ъ]лож(иша) ...
 ... (с̄)[т]аг[о] Ге(о)ргиа въ е̄і̄ днь пр(и) архи ...
 ... (благо)[ц]ѣс[т]ивѣ[м]ь Мартури а вы и[г]оуме[н] ...
 ...аг(о) Саватиѧ а даи има Бѣ оупо ...
 ... с[т]ми своими и мо[ли]та Бѣа ...

⁶ В приводимой транскрипции они заключены в круглые скобки, а частично сохранившиеся буквы – в квадратные.

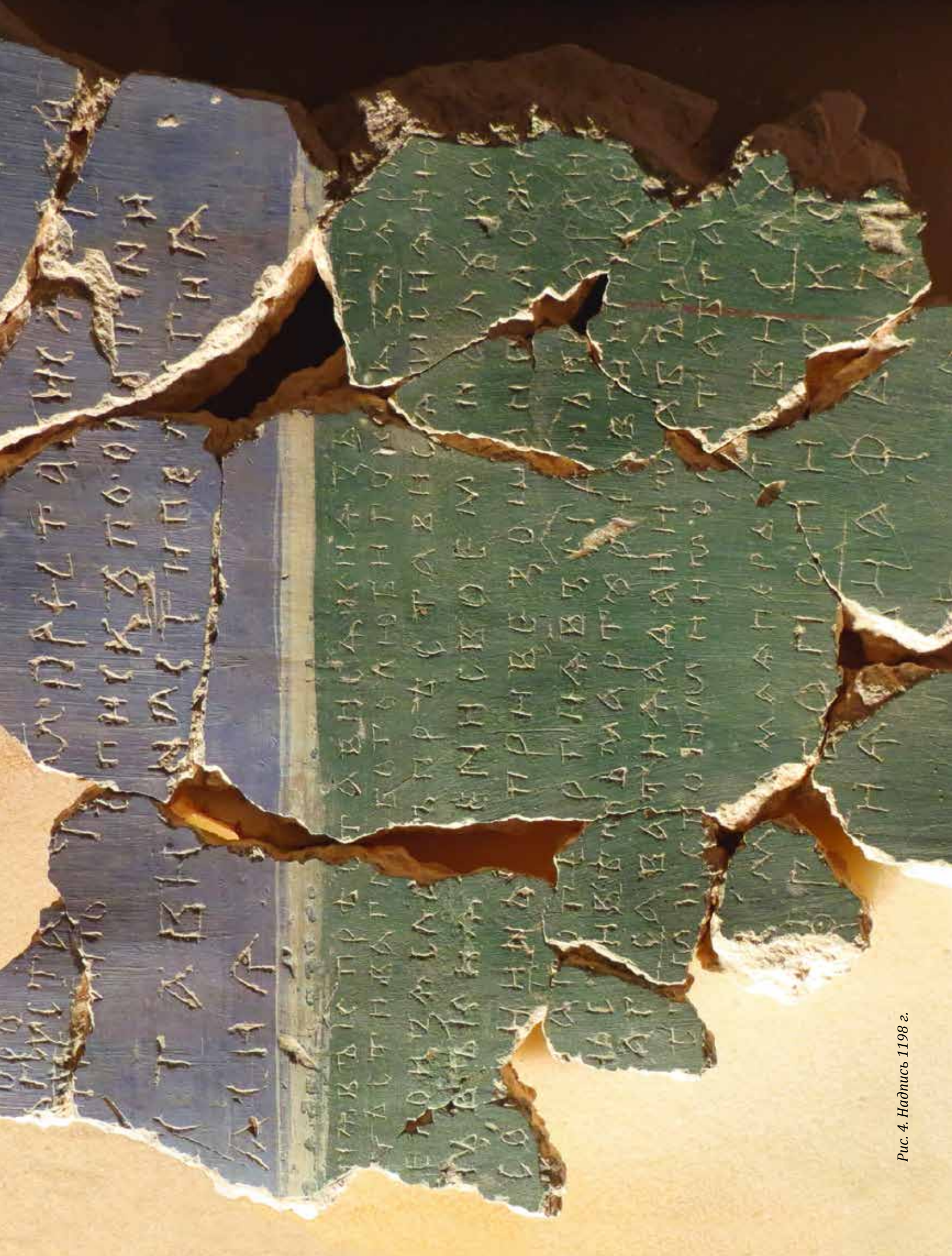

Рис. 4. Надпись 1198 г.

Как и большинство граффити, найденных в ходе раскопок 2014 г., надпись носит поминальный характер, отличаясь от окружающих ее текстов объемом и полнотой сообщаемых сведений. Уже в предварительном прочтении текст с полной надежностью атрибутируется по содержанию: перед нами сообщение о смерти и погребении двух сыновей новгородского князя Ярослава Владимировича, Изяслава и Ростислава, умерших в 1198 г. и похороненных в Юрьеве монастыре. В Новгородской первой летописи это событие описано в следующих словах: «Въ лѣто 6706 [1198] <...>. Тои же весне преставистася у Ярослава сына 2: Изяслав бѣше посаженъ на Луках княжити и от Литвы оплечь Новугороду, и тамо преставися; а Ростиславъ Новѣгородѣ; и оба положена у святого Георгия въ монастыри»⁷. Летопись сохранила и годы рождения умерших княжичей: Изяслав, в крещении Михаил, родился в 1190 г., а Ростислав – в 1193 г.⁸; таким образом, в момент смерти старшему было восемь, а младшему пять лет⁹.

Как установил М. К. Каргер, раскопавший в 1930-е гг. восточную часть собора Георгиевского собора, княжичи были похоронены в южном нефе монастырского храма, в юго-западном отделении основного девятидольного пространства¹⁰. Надпись, сделанная на юго-восточном столбе, в межабсидном проходе из среднего восточного полуокружия собора в южное, где, судя по найденному основанию престола коробчатой формы, с самого начала размещался не дьяконник, а особый придел, оказывается таким образом связанной с их погребением общим расположением в южном нефе собора (рис. 5).

Новгородским архиепископом в 1198 г. был Мартирий, занимавший кафедру с 1193 по 1199 г.¹¹, а игуменом Юрьева монастыря – Савватий, по-

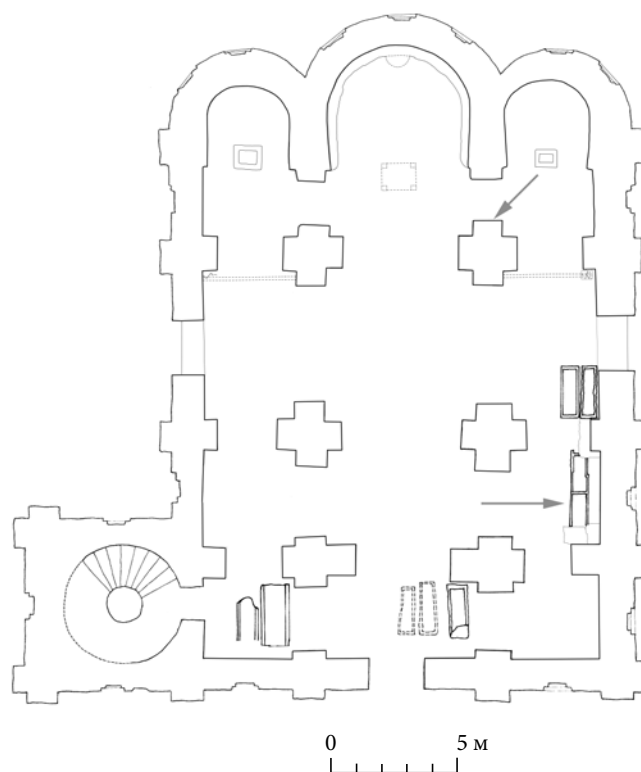

Рис. 5. План Георгиевского собора Юрьева монастыря. Реконструкция на XII в. Верхняя стрелка показывает месторасположение надписи 1198 г., нижняя – двойной саркофага княжичей в южном нефу. Чертеж Ю. Фомичевой

ставленный в 1194 г. и умерший в 1226 г.¹² Сочетание имен и фактов (включая и княжение Изяслава в Луках) находится, таким образом, в полном соответствии с летописными данными. Не составляет исключения и дата смерти Ростислава – 20 июня. Может показаться, что она противоречит свидетельству летописи о том, что княжичи умерли весной, но это не так: летописец руководствовался астрономическим пониманием времен года, согласно которому весна длится от весеннего равноденствия (21 марта) до летнего солнцестояния (22 июня). Ростислав, таким образом, умер в предпоследний день календарной весны. Точные даты, отсутствующие в летописном сообщении, и составляют то новое, что надпись вносит в понимание обстоятельств кончины детей Ярослава Владимировича.

Палеографические и лингвистические характеристики надписи соответствуют своему времени. Орфография – стандартная, без смешения *ѣ* и *ь* с *о* и *е*. Буквы *к* и *я* не употребляются (*его, своем[ь]*, *Аро(слава), Саватиа*). *Ѣ* пишется в соответствии с

⁷ НПЛ. С. 44.

⁸ Там же. С. 39, 41.

⁹ Кроме Изяслава и Ростислава, летопись сообщает также о рождении у Ярослава в 1191 г. сына (не называя его имени), а в 1189 г. – дочери (НПЛ. С. 39, 40). Эта уникальная в новгородском летописании серия известий читается только в старшем изводе НПЛ (Синодальном списке) и, по всей вероятности, восходит к списку с владычной летописи, связанному по своему происхождению с Юрьевым монастырем. Согласно нашей реконструкции, этот список появился в конце 1160-х гг., одновременно с созданием нового свода новгородского владычного летописания, и до конца XII в. регулярно пополнялся по владычной летописи – с местными дополнениями, к числу которых относятся и записи о рождении детей Ярослава Владимировича (см.: Гиппиус А. А. К истории сложения Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 28–34).

¹⁰ Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // СА. Вып. VIII. М.; Л., 1946. С. 175–224. См. также: Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 89–118.

¹¹ НПЛ. С. 40, 44.

¹² Там же. С. 41, 65.

этимологией, в том числе в приставке *прѣ-*. Слабые редуцированные сохраняются в предлоге и приставке *въ* и в корне *чьст-* и утрачены в корнях *кнѣз-* и *княж-*. Ъ в предлоге *въ* перед последующим *и* перешел в *ы*: *вы и [з]оуме[н](ьство)*. Из новгородских черт представлено только смешение *ц* и *ч*: (*благо*)-[ц]ьс[т]ивѣ[м]ь. Особенностью граффито является стяжение *-iji* в окончаниях существительных: *въ кнѣ(ж)ени, при ... Мартури*. Единственная описка – пропуск слога *ва* в *боголюбиво*.

Для более полной реконструкции текста оценим сначала его первоначальный объем и масштаб утрат. Наиболее информативным с этой точки зрения оказывается переход с третьей строки на четвертую,

допускающий единственно возможную модель заполнения: *мѣца ию (-- въ -- д)нѣ*. Эта короткая стыковка означает, что в начале надписи отсутствовала годовая дата и она начиналась со слова *мѣца* (или *мѣа*); это неудивительно, учитывая поминальное предназначение текста¹³. Следовательно, в начале строк с 1-й по 5-ю утрачено примерно по 5–6 букв, а в начале строк с 6-й по 9-ю – примерно по 9–10 букв. Утраты на концах строк могли быть различными, но вряд ли составляют более 5–6 букв в наиболее длинных строках.

Исходя из такой оценки утрат, можно следующим образом восстановить большую часть недостающих фрагментов надписи:

- 1 (Мѣца ию)нѣ въ кѣ прѣстависѣ князь (Р)[ос]тисл(авъ сынѣ)
- 2 (благо)чьстиваго (и) боголюбиво к(н)ѣзѣ Лро(слава)
- 3 (а сынѣ) е[г]о Изѣсла(в)ѣ прѣстависѣ мѣца ию--
- 4 (въ - д)нѣ въ кнѣ(ж)ени своем[ъ] на Лука(хъ)
- 5 -----со--цинѣ--привезоша и в[ъ]лож(иша -)
- 6 (въ гробѣ оу сѣ)[г]аг[о] Ге(о)ргиѣ въ еѣ днѣ пр(и) архи(епискоупѣ блго)[ц]ьс[т]ивѣ[м]ь Мартури а вы и[г]оуме[н](ьство)
- 8 (боголюбив)аг(о) Саватиѣ а даи има Бѣ оупо(коение)
- 9 (въчное съ) с[г]ми своими и мо[ли]та Бѣга (за ны)

¹³ Именно так начинается граффито, читаемое непосредственно под записью о смерти княжичей и также носящее поминальный характер: *м(ц)а маѣ перѣстависѣ х(столубецъ?) | Г(лѣ)бо попино кѣ (на память) | (с)тиѣ [м]ѣца Фьдо(съѣ)*. В дате *ѣ* написано по ошибке вместо *ѿ*; 29 мая празднуется память св. Феодосии.

Рис. 6. Надпись 1198 г., фрагмент

Предложенные конъектуры или не имеют видимых альтернатив или же допускают варианты, не меняющие смысла текста. Однозначно восстанавливается полный текст первой и второй строк. В начале третьей строки допустимо также чтение (*а братъ*) *его*; с точки зрения синтаксической связности текста оно даже выглядит предпочтительным. Однако вряд ли старший из умерших княжичей определялся через его отношение к младшему брату; скорее, оба они были упомянуты как сыновья Ярослава. Не видно вариантов для конъектуры в начале шестой строки. В летописных описаниях погребений форма *въложиша* всегда управляет винительным падежом с предлогом: *въ раку* или *въ гробъ*; в данном случае заведомо имело место второе. Эпитет при имени игумена Савватия в седьмой строке мог быть и другим, хотя кажется вероятным, что пара прилагательных, характеризующих князя, была разделена между архиепископом и игуменом. Вместо *въчно* могло читаться *въ вѣки*.

Вариантное заполнение, в принципе, допускает и окончание пятой строки. Поскольку о похоронах Ростислава в надписи отдельно не говорится, здесь можно было бы ожидать местоимение двойственного числа: *въложиша* (*я въ гробъ*). С такой конъектурой, однако, невозможно согласовать предшествующее *привезоша*, явно относящееся к привезенному из Лук Изяславу. Значит, обе глагольные формы относятся к нему и местоимение в конце пятой строки имело форму единственного числа: *въложиша* *и*. Отсутствие отдельного упоминания похорон Ростислава не должно удивлять: старший брат, в отличие от младшего, занимал собственный стол, в связи с чем его смерть и погребение были описаны с большей полнотой и торжественностью.

Сложнейшую проблему составляет реконструкция начала пятой строки. Формуляр надписи никакого подспорья для заполнения этой лакуны не дает, и опираться приходится только на сохранившиеся буквы. В предыдущей строке слово *Лука*(хъ) заканчивалось на том же уровне, что и название месяца в третьей строке; маловероятно, чтобы строка продолжалась далее. В начале пятой строки утрачено, скорее всего, пять букв (ср. конъектуры *мѣцѣюня*, *благо*чѣстиваго, *а сынъ*) *его*, дающие ровное левое поле), перед *привезоша* – две буквы. Восстановлению, таким образом, подлежит последовательность *----со--цинь--*, справа и слева от которой проходят границы слов.

Заметим, что буквенный состав этой последовательности был установлен не сразу. Поначалу последняя видимая буква читалась нами как *а*. На этом этапе наиболее вероятной нам представлялась конъектура *(по) со(ро)цина*(хъ). Принятие этого чтения означало бы, что Изяслав, умерший прежде своего брата в первых числах июня, был временно захоронен в Луках, а по прошествии сорока дней,

15 июля, погребен в Георгиевском соборе. Аналогия этой ситуации виделась нам в истории погребения другого Изяслава – сына Владимира Мономаха. Убитый в 1096 г. в ходе столкновения с Олегом Святославичем под Муромом, Изяслав Владимирович был сперва положен в местном монастыре св. Спаса, а впоследствии перенесен в Новгород и погребен в Софийском соборе¹⁴. Отсутствие названия месяца при указании даты похорон мы склонны были объяснить тем, что упоминание сороковин делало очевидным, что речь идет об июле. Это объяснение заключало в себе некоторую натяжку, как, впрочем, и аналогия с событиями 1096 г.: тогда перенос в Новгород останков Изяслава Владимировича был принят его братом Мстиславом после победы над Олегом Святославичем на Колокше и первоначально едва ли планировался; между тем в 1198 г. никаких оснований сразу не везти умершего княжича в Новгород не было. Приходилось также предполагать, что с четвертой строки на пятую было перенесено какое-то короткое слово, например, причастие: *на Лоука*(хъ *сѣ*|дѣ. *А по*) *со(ро)цина*(хъ) ...

После расчистки надписи стало ясно, что буква, принятая за *а*, в действительности – *ь*¹⁵ (рис. 6). Это сделало предложенную конъектуру неприемлемой. Поиски реконструкции, в которую встраивался бы отрезок *...цинь--*, показывают, что он, даже взятый в отрыве от предшествующего фрагмента, допускает крайне ограниченное число возможных интерпретаций¹⁶. Поскольку надпись выдержана в книжной орфографии и *ь* в ней не смешивается с *е* и *ѣ*, словарный раздел не может проходить перед буквосочетанием *нь*, с которого ни одна древнерусская словоформа не начинается. Практически невероятно и прохождение границы после *цинь*. В принципе, в новгородском тексте, смешивающем *ц* и *ч*, так могла бы заканчиваться архаичная форма И. ед. м. действительного причастия глагола типа *оучинити* (*оуцинь*) или такая же форма притяжательного прилагательного от имени вроде *Търчинъ* (*Търцинь*), но к контексту ни то ни другое решительно не подходит. Следовательно, отрезок *цинь* находится либо в начале слова, либо в середине, причем *ь* может принадлежать только суффиксу. Этим условиям формально удовлетворяют следующие виды словоформ: 1) формы существительных на *-циньць* (типа *зълочиньць*, *отъчиньць*); 2) формы существительных на *-чинье* (при допущении, что дальше следовал союз *и*), 3) краткие формы прилагательных на *-чиньнии* или соот-

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. М., 1926. С. 237.

¹⁵ Ошибочная идентификация была, как теперь ясно, вызвана дефектом штукатурки, из которой в этом месте выпала полоска соломы, образовав углубление, принятое за спинку от *а*.

¹⁶ Первую букву этого отрезка можно было бы трактовать и как *и*, но такая трактовка не дает никаких правдоподобных решений.

ветствующие наречия (типа *бесчиньнъ*, *бесчиньно*); 4) краткие формы бесприставочного прилагательного *чиньныи* и наречие *чиньно*.

Из реально засвидетельствованных слов первых трех видов совместимость с предшествующим *со* обнаруживает лишь основа *сорочиньцъ*, представленная в топониме *Сорочинцы*. Однако контекстуально топоним здесь неуместен (не говоря уже о том, что топонимия русского Северо-Запада этого названия не знает). Реанимируя отброшенную версию с «сорочинами», можно было бы допустить существование производных *сорочиньцъ* или *сорочинье* с тем же значением, но никакой поддержки в памятниках и диалектах это предположение не находит¹⁷.

Более приемлемой выглядит третья возможность. Не было ли употреблено в надписи наречие *чиньно*? Связать его с предшествующим *со* можно в рамках конструкции, содержательно встраивающейся в общий каркас фразы: (А сынъ) е[з] о Изасла(в)ъ прѣстависа мѣца ию(на) (въ X д)нѣ въ кна(ж)ени своем[ь] на Лука(хъ), (жива о)со[бь], цинь(но). «А сын его Изяслав преставился X июня в своем княжении на Луках, живя самостоятельно, чинно (то есть как подобает князю)». Оставшаяся от буквы после *со* вертикаль подходит для *б*; угадывается и верх наклонной мачты *ь*. Примечательно, что сочетание *особь чиньно* – с перестановкой компонентов – находит соответствие в одном из двух примеров на наречие *чиньно*, приводимых в «Материалах» И.И.Срезневского: Просфоръ не по(д)баеть ясти ни со млекомъ, ни с сыромъ, ни с рыбами, но чинно *особь да снѣдат* (Сбор. Кирил. Белоз. XV в.)¹⁸. С другой стороны, реконструируемое *жива особь* поддерживается трижды повторенным в «Повести временных лет» пассажем о полянах, «живших (живущих) о собѣ»¹⁹.оборот *жива особь, чиньно* можно было бы понять как вносящий в текст элемент панегирика, что вполне соответствует характеру надписи.

К сожалению, все эти соображения обречены остаться на уровне догадок. Ясно лишь, что данный фрагмент граффито заключал в себе какую-то весьма нетривиальную информацию.

Когда же умер Изяслав Ярославич? Сообщение о его смерти следует в надписи за сообщением о смерти Ростислава, случившейся 20-го июня, при этом погребение датировано 15-м числом – не сказано, какого месяца. Последнее умолчание естественно объяснять тем, что княжич был погребен в том же

¹⁷ Теоретически, *сорочиньцъ* можно было бы трактовать как синоним *сорочининъ*, допустив, что слово было использовано в отвлеченном от его этнического содержания значении «нехристианин» как экспрессивное обозначение литвы, защищать от которой Новгород призван был в Луках Изяслав. Но это была бы уже чистой воды фантазия.

¹⁸ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т.3. С. 1522.

¹⁹ ПСРЛ. Т.1. С.7, 9, 12.

месяце, в каком и умер; тогда, исходя из последовательности сообщений, следует считать, что это произошло в июле. Такая датировка, однако, решительно расходилась бы с показанием летописи, согласно которому оба княжича скончались «весной»; между тем, надпись в целом подтверждает его достоверность. Следует думать поэтому, что последовательность смертей была обратной той, в какой о них сообщает надпись, то есть что первым умер старший из княжичей, Изяслав. Именно в таком порядке о смерти детей Ярослава Владимировича сообщает летопись. Обратный порядок изложения в надписи следует, видимо, объяснить большей значимостью известия о смерти старшего. В отличие от Ростислава, Изяслав умер, занимая собственный княжеский стол («в своем княжении»), в связи с чем сообщение о его погребении оформлено с особой обстоятельностью, плавно перетекая в заключающее надпись молитвословие²⁰.

Учитывая, что доставка тела в Новгород из Великих Лук (250 км по прямой) должна была занять никак не менее четырех дней, смерть Изяслава следует отнести к периоду с 1 по 11 июня. Этим вполне можно было бы удовлетвориться, если бы не обстоятельство, придающее точной дате смерти княжича принципиальное значение: 8 июня 1198 г. Ярославом Владимировичем была заложена церковь Спаса-Преображения на Нередице²¹. Известие о строительстве храма следует в Новгородской первой летописи сразу за сообщением о кончине княжичей и их погребении в Юрьеве монастыре. Мысль о том, что именно утрата князем двух сыновей послужила

²⁰ Косвенное указание на последовательность кончин сыновей Ярослава Владимировича могло бы дать расположение их останков в гробе, раскрытом М.К. Каргером. Судя по опубликованным данным, первоначальное погребение было совершено в каменном гробе, предназначенном для взрослого человека; после смерти второго княжича этот гроб был надстроен к востоку, а его западная стенка стала перегородкой, разделяющей два отсека. Тот факт, что останки старшего княжича, Изяслава Ярославича, были обнаружены в восточной части гроба, можно было бы интерпретировать как свидетельство того, что Изяслав умер вторым (этот факт выясняется из сообщения в западной части саркофага скелета ребенка лет 5 и в восточной части – скелета ребенка примерно 8 лет – см.: Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // СА. Вып. VIII. М.; Л., 1946. С. 201–204). Необходимо, однако, учитывать, что при погребении второго из княжичей тело первого могло и даже должно было быть сдвинуто в гробе. Если оно было сдвинуто к востоку, умерший первым оказывался погребен ближе к алтарю храма, а умерший вторым – расположен «в головах» у первого. Если первым умер Изяслав, такое перемещение выглядит обоснованным старшинством княжичей. Вопрос этот, впрочем, нуждается в специальном рассмотрении на основе нового натурального исследования погребения, произведенного в июле 2015 г.

²¹ «Въ то же лѣто заложи церковь камяну князь великий Ярославъ, сынъ Володимиръ, вѣнукъ Мъстиславль, въ имя святого Спаса Преображения Новгородъ на горѣ, а прозвище Нередице; и начаша дѣлати мѣсяця июня въ 8, на святого Федора, а концяша мѣсяця септября» (НПЛ. С. 44).

поводом к основанию церкви, была впервые высказана М. Ф. Мурьяновым²² и более детально обоснована Н. В. Пивоваровой²³, которая выявила целый ряд отражений этой темы в иконографической программе нередицкой росписи. Сегодня эта точка зрения является общепринятой.

Нужно заметить, однако, что данное представление опиралось до сих пор на хронологически размытое указание летописи на то, что княжичи умерли весной, с чем дата основания храма хорошо согласуется. Теперь же мы точно знаем, что младший из братьев, Ростислав, умер 20-го июня, то есть на двенадцатый день после закладки церкви. Значит, поводом к основанию храма могла стать только смерть старшего из княжичей. На первый взгляд, это кажется вполне вероятным и даже находит близкую по времени аналогию – правда, в таком позднем и малонадежном источнике, как Житие Андрея Боголюбского XVIII в.: по его свидетельству, церковь Покрова на Нерли была основана Андреем Юрьевичем в память о погибшем в 1165 г. сыне, также носившем имя Изяслав²⁴.

Однако делая это предположение, мы оказываемся перед лицом ситуации, которая сразу с нескольких точек зрения выглядит не самой правдоподобной. Во-первых, считая, что церковь была заложена в связи с кончиной Изяслава, мы должны датировать последнюю временем не позже 4 июня: иначе к 7 июня – кануну закладки Нередицы – скорбная весть просто не успела бы достичь Новгорода. Но в таком случае продолжительность транспортировки тела увеличивается до десяти дней, что, с учетом сравнительных данных, кажется слишком большим сроком²⁵. Во-вторых, церковь не могла быть заложена

сразу же по получении известия о смерти сына: закладка храма требовала подготовки, и такая подготовка явно имела место, судя по тому, что начатый 8-го июня храм был выстроен за один строительный сезон и закончен в сентябре. Наконец (и это, пожалуй, главное), трудно себе представить, чтобы торжественную церемонию закладки храма в память об умершем сыне Ярослав Владимирович провел в то время, когда тело княжича еще не было погребено и находилось на пути в Новгород.

Выход из положения может заключаться в том, что церковь была заложена в связи с одновременной болезнью двух сыновей Ярослава Владимировича, от которой оба умерли уже после ее закладки. Смерть Изяслава могла в таком случае произойти с 5 по 11 июня, и к моменту закладки о ней могло быть еще не известно в Новгороде.

Но следует учитывать и другое. Считая смерть княжичей главным поводом к закладке Спасо-Нередицкой церкви, исследователи, как правило, подчеркивают отсутствие у этого акта видимых политических причин²⁶. Между тем такие причины определенно имелись. Как уже приходилось писать²⁷, смерть сыновей застала Ярослава Владимировича на пике его тринадцатилетнего (с перерывами) новгородского княжения, когда, после двухлетней размолвки с Новгородом, Ярослав вернулся в город, «и седе на столъ своемъ, и обуяся съ людьми, и добро все бысть»²⁸. Вопреки расхожему представлению, Ярослав Владимирович, хотя и был посажен на новгородский стол Всеволодом Большое Гнездо, позиционировал себя в Новгороде и воспринимался его жителями как полноправный князь, «внук великого Мстислава» (как он назван в сообщении о его первом приходе в Новгород в 1182 г.).

²² Мурьянов М. Ф. К культурным взаимосвязям Руси и Запада в XII в. // *Ricerche slavistiche*. Roma, 1966. Vol. 14. P. 31.

²³ Пивоварова Н. В. Ктитория тема в иконографической программе церкви Спаса на Нередице // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1991. Вып. 23. С. 153; Ее же. К истокам идейного замысла росписи церкви Спаса на Нередице в Новгороде (1199) // *Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира, XII в.* СПб., 2002. С. 462–473.

²⁴ Доброхотов В. Древний Боголюбский город и монастырь с его окрестностями. М., 1852. С. 70; Сиренов А. В. Житие Андрея Боголюбского // *Памяти Андрея Боголюбского: сб. ст. М.; Владимир, 2009*. С. 207–240.

²⁵ Воспользуемся фактами, приводимыми А. В. Назаренко (Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993. С. 182, прим. 84), с некоторыми уточнениями. В 1112 г. умерший 25 мая в Дорогобуже Давид Игоревич был уже 29 мая похоронен в Киеве, то есть расстояние в 300 км было преодолено не более чем за четыре дня (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 273). В 1097 г. ослепленного Василька Ростиславича везли из Киева во Владимир (около 450 км по прямой) шесть дней (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 260–262; Т. 2. Стб. 234–236). В обоих случаях скорость перемещения составляла примерно 75 км в день. Ярополк Изяславич, убитый 22 ноября на пути из Владимира-Волынского в Звенигород («не дошедшу града», то есть явно находясь уже ближе к Звенигороду, от которого до Владимира

около 120 км), был отвезен сначала во Владимир, а затем в Киев, где был погребен 5 декабря (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 206; Т. 2. Стб. 197–198). Соответственно, путь более чем в 500 км занял 13 дней, что дает скорость около 40 км в день. Добавим к этому новгородский пример. Архиепископ Василий Калика умер 3 июля 1352 г. на устье Узы (недалеко от Порхова), а 5 июля его тело было привезено в Новгород (НПЛ. С. 100). Даже если предположить, что путь в 120 км занял три дня целиком (в действительности, вероятно, меньше), скорость движения выходит равной 40 км в день. Рассматривая эту величину в качестве минимальной, следует полагать, что от Великих Лук до Новгорода (250 км по прямой) умершего Изяслава могли везти от силы неделю. Путь по воде мог, конечно, занять и больше времени, но прибегать к нему в такой ситуации вряд ли стали бы (тело Василия Калики, умершего на Шелони, явно было доставлено в Новгород сухим путем).

²⁶ «Политическими причинами трудно объяснить факт каменного строительства по заказу князя» (Ядрышников В. А. Спасо-Нередицкий монастырь: история строительства и реставрации // *Новгородский исторический сборник*. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 53.

²⁷ Гиппиус А. А. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. // *Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника*. М., 2005. С. 21–22.

²⁸ НПЛ. С. 43.

Как суверенный правитель Новгорода Ярослав действовал, и сажая на стол на Луках своего первенца Изяслава, чье малолетство только подчеркивало политический символизм этого акта. Самым же ярким проявлением амбиций Ярослава Владимировича является летописное известие о строительстве Нередицкой церкви, в котором он – единственный из обладателей новгородского стола в XII в. – назван «великим князем» (и при этом снова определяется как «внук Мстиславль»). Церковь, о которой принято говорить как о последней княжеской постройке в Новгороде, в актуальной для своего времени перспективе была *первым* каменным храмом, построенным новгородским князем со времени изгнания в 1136 г. Всеволода Мстиславича. Ее строительство вписывается в ряд действий Ярослава Владимировича, демонстрирующих его последовательную ориентацию на образец своего двоюродного дяди (обновление Устава Всеволода, походы на чудь, наконец, обретение во Пскове в 1192 г. мощей Всеволода-Гавриила). Апофеозом этой преемственности является именование Ярослава «вторым Всеволодом» в ктиторской надписи Нередицы, явно имеющее в виду не Всеволода III, а Всеволода-Гавриила Мстиславича. Последний рассматривал Новгород как свое наследственное владение и предполагал остаться в нем пожизненно («целовавъ крестъ къ новгородцемъ, яко хоцю у васъ умерети»²⁹). «Второй Всеволод», Ярослав Владимирович, по-видимому, также думал остаться в Новгороде навсегда: об этом говорит и архитектура храма, особенности которой (аркосолии и поминальный придел на хорах) отражают намерение заказчика превратить его в свою фамильную усыпальницу³⁰.

На этом фоне считать единственным импульсом к основанию нередицкой церкви смерть старшего сына ктитора (или, как мы только что допустили, опасную болезнь двух сыновей) не представляется возможным – это значило бы крайне обеднять исторический контекст события. Следует думать, что строительство храма планировалась Ярославом Владимировичем как акт политического самоутверждения, но, по роковому стечению обстоятельств, его начало было омрачено трагедией в княжеской семье³¹. Закладывая храм с большим количеством

²⁹ Там же. С. 22.

³⁰ Седов В. В. Княжеский заказ в архитектуре церкви Спаса-Преображения на Нередице // Новгородский исторический сборник. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 36–52; Его же. Придел на хорах церкви Спаса на Нередице // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси ... С. 64.

³¹ Не стоит закрывать глаза и на другую возможность. Кончины двух княжеских сыновей, последовавшие одна за другой в разных городах накануне и во время возведения их отцом каменного храма, призванного символизировать прочность его положения в Новгороде, могли иметь насильственный характер: княжичи могли быть отравлены. В городе у Ярослава Владимировича было немало врагов, достаточно вспомнить ком-

погребальных ниш-аркосолиев, князь явно предполагал, что и его сыновья когда-нибудь упокоятся рядом с отцом в семейной усыпальнице. Погребение Изяслава и Ростислава Ярославичей в Георгиевском соборе находится в очевидном противоречии с этим ктиторским замыслом. Это противоречие естественно объяснять тем, что храм был построен по проекту, возникшему еще до смерти княжичей.

Что же касается росписи, выполненной на следующий год после завершения строительства, то в ней мемориальная тема имела уже все основания приобрести программный характер. Ее отражения Н. В. Пивоварова видит, в первую очередь, в образах св. Бориса и Глеба, изображенных в предстоянии Богоматери в конхе центральной абсиды. «Обращение к образам первых русских святых – князей Бориса и Глеба, безвременно скончавшихся в 1015 г., – позволило зримо передать суть трагедии 1198 г.»³². Мотивированным теми же отношениями «типологического патроната» исследовательница убедительно считает и образ св. Евстафия Плакиды, находившийся в конхе северной абсиды: подобно Ярославу Владимировичу, св. Евстафий, согласно его житию, в одночасье лишился двух сыновей³³.

Спорным представляется, между тем, выделение Н. В. Пивоваровой еще одной пары «типологических» патронов умерших княжичей. Позволим себе обширную цитату. «В системе росписи южного рукава трансепта, образованной исключительно изображениями святых воинов в полном воинском облачении, только два святых – Созонт и представленный левее южных окон Стратоник – выделялись своими мученическими одеждами. Подобно святым Борису и Глебу в центральной абсиде Нередицы, они были запечатлены с крестами – неизменными атрибутами мучеников. Св. Созонт был изображен простоволосым; голову Стратоника венчал неболь-

ментарий летописца к сообщению об изгнании Ярослава в 1196 г.: «и жяляху по немь въ Новгородъ добрии, а злии радовахуся». На подобные размышления наводят и загадочные обстоятельства смерти еще одного юноши, похороненного в Георгиевском соборе – четырнадцатилетнего Федора Ярославича, внезапно умершего 10-го июня 1233 г. накануне собственной свадьбы. Этот удар судьбы выглядит не вполне случайным на фоне бурных событий предшествующего 1232 г., в котором Ярослав чуть не лишился стола в результате мятежа, поднятого против него прочергнговской оппозицией – «Борисовой чадью». И в этом случае смерть старшего сына постигает князя на следующий год после, казалось бы, благополучно преодоленного конфликта с частью новгородского боярства.

³² Пивоварова Н. В. К истокам идейного замысла росписи церкви Спаса на Нередице в Новгороде. С. 463.

³³ Стоит добавить, учитывая сказанное выше о возможной причине смерти княжичей, что сыновья Плакиды умерли не естественной смертью: при переправе через реку одного из них загрыз лев, другого – волк. Вспомним, что в летописном рассказе о Борисе и Глебе посланные Святополком убийцы нападают на Бориса на Лыте «аки звѣрье дивии» (ПСРЛ. Т. 1. С. 134).

шой, как у святых воинов, венец. Облик каждого из святых, предельно индивидуализированный, выявлял возрастные особенности каждого из персонажей. Юный, с разбросанными по плечам кудрями Созонт и мужественный, с едва пробивающейся бородкой Стратоник словно противопоставлялись друг другу. Это противопоставление усугублялось местоположением святых в пространстве южного рукава трансепта: в первом случае – включением в ярус со святыми патронами архиепископа и князя, во втором – расположением среди фигур святых воинов. Наиболее логичным объяснением своеобразия рассматриваемых образов было бы признание их патронального характера: акцент на разнице в возрасте и соответствующем возрасту положении в системе княжеской иерархии – содержательная основа летописного сообщения о смерти детей Ярослава Владимировича. <...> Таким образом, значение изображений в системе росписей было аналогичным тому, какое отводилось образам святых Бориса и Глеба в алтарной росписи памятника. Как и образы центральной апсиды, они были призваны воскрешать в представлении непосредственный повод к возведению нередицкой церкви»³⁴.

На наш взгляд, такое соотнесение двух изображений выглядит достаточно искусственным. В отличие от парных образов св. Бориса и Глеба, образы св. Стратоника и Созонта пары не составляли: они не только находились на разных (причем не симметричных) плоскостях, но и имели разный формат: Стратоник был изображен в рост, тогда как Созонт – погрудно, в миниатюрном медальоне, вписанном между килевидными арками, обрамлявшими полуфигуры св. Иоанна Воина и св. Мартирия. Последние были очень убедительно трактованы Л. И. Лифшицем как образы святых патронов князя Ярослава Владимировича и архиепископа Мартирия³⁵. Изображение св. Созонта исследователь не интерпретировал; между тем оно не только выделяется в росписи данного компартиментов своим малым размером, но и, по верному наблюдению Н. В. Пивоваровой, находится «в зените благословляющего жеста преподобного, обращенного к воину»³⁶. Это дает все основания считать изображение патрональным (в отличие от образа св. Стратоника, контекст которого такой трактовки совершенно не оправдывает). Однако необходимо учесть, что и св. Иоанн Воин, и св. Мартирий, и изображенный на соседней плоскости юго-западного столба св. Никифор (патрон киевского митрополита) были патрональными святыми

живых лиц, имевших отношение к возведению церкви. Этим подсказывается единственно возможная, на наш взгляд, атрибуция образа св. Созонта: перед нами небесный патрон среднего сына Ярослава Владимировича, родившегося в 1191 г. (см. выше прим. 8). Прочитанное таким образом, сочетание трех изображений выглядит как акт благословения новгородским владыкой единственного оставшегося в живых княжеского сына, с которым Ярослав Владимирович после смерти Изяслава и Ростислава должен был связывать надежду на продолжение рода.

Специального комментария заслуживает определение Ярослава в надписи как «благочестивого и боголюбивого князя». В Новгородской первой летописи за XII в. с одиночным определением *боголюбивый* упоминаются лишь новгородские иерархи: Нифонт (1153), Илья (1170, 1180) и Мартирий (1195, 1198); ни один из князей, включая и Ярослава Владимировича, его не удостоен. В этом различии проявляется как епископский характер новгородского летописания, так и княжеская принадлежность Юрьева монастыря, еще сохранявшаяся им в конце XII в. (напомним, что записи о рождении детей Ярослава Владимировича представляют собой сделанные в монастыре добавления к местному списку с владычной летописи). Но особенно примечательно следующее: «благоверным и христоролюбивым князем» Суздальская летопись в период с 1190 по 1198 г. 10 раз называет Всеволода Большое Гнездо³⁷. Определение Ярослава в надписи дано как будто с оглядкой на этот образец, с сохранением структуры и частичным изменением лексического наполнения (сделано это весьма изящно: заменены второй корень в первом композите и первый – во втором, то есть срединная часть парного сочетания). Такое копирование владимирского образца невозможно не соотносить с уже упомянутым определением Ярослава Владимировича как «второго Всеволода» в ктиторской надписи Нередицы. Ранее, отказавшись от предложенной Н. В. Пивоваровой трактовки этих слов как имеющих в виду Всеволода III, мы писали: «Не исключено, однако, что сопоставление с владимирским «самодержцем» все же было заложено в этом выражении, образуя его подтекст»³⁸. Синхронная ориентация на Всеволода Юрьевича, посадившего его на новгородский стол, была, по-видимому, так же значима для Ярослава Владимировича, как и диахроническое «повторение» Всеволода Мстиславича: одним из ее проявлений может быть именованье Ярослава «великим князем» в летописном

³⁴ Пивоварова Н. В. К истокам идейного замысла росписи церкви Спаса на Нередице в Новгороде. С. 469, 473.

³⁵ Лифшиц Л. И. Об одной ктиторской композиции Нередицы // Древний Новгород: история, искусство, археология: новые исследования. М., 1983. С. 190–192.

³⁶ Пивоварова Н. В. К истокам идейного замысла росписи церкви Спаса на Нередице в Новгороде. С. 469.

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 408–414. Статистика упоминаний приводится на основе древнерусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: www.rusco.org.ru (дата обращения: 01.06.2015).

³⁸ Гиппиус А. А. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. С. 22.

известии о закладке Нередицы (из русских князей этого времени так последовательно именуется только Всеволод III³⁹). С точки зрения самого Всеволода Юрьевича, такое поведение свояка (Всеволод и Ярослав были женаты на сестрах) должно было выглядеть совершенно необоснованным и даже дерзким. Внезапный вывод Ярослава Владимировича из Новгорода в 1199 г. был, как мы предположили, реакцией Всеволода на его зашедшие слишком далеко претензии на политическую самостоятельность.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание, – это упоминание об *архиепископстве* Мартирия. С тем же титулом этот новгородский иерарх 8 раз упоминается на страницах Новгородской 1-й летописи – при единственном (в конце статьи 1196 г.) упоминании его как епископа. При этом на сохранившейся печати Мартирия (№ 60)⁴⁰ он значится епископом. Обычно в этом видят свидетельство того, что «непрерывного ряда иерархов, носивших титул архиепископа, во второй половине XII – первой четверти XIII в. не было, но им были отмечены только некоторые новгородские епископы»⁴¹. Что же касается летописи, в которой

³⁹ См.: Poppe A. Words that Serve the Authority: On the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus' // Acta Poloniae Historica. 1989. P. 60.

⁴⁰ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1. С. 54, 176.

⁴¹ Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. М., 1989. С. 65.

архиепископами называются все новгородские владыки начиная с Феодора (1077), то ее титулатура считается отредактированной *ex post* и потому игнорируется. Именование Мартирия архиепископом в тексте 1198 г., дошедшем в оригинале, заставляет усомниться в справедливости такой трактовки. Можно, конечно, предположить, что избранный на кафедру в 1193 г. Мартирий получил титул архиепископа после 1196 г. (когда он единственный раз упоминается в летописи как епископ) и что печать, на которой он титулуется так же, относится к 1193–1196 гг. Однако, чем предполагать малообъяснимую трехлетнюю задержку с получением архиепископского титула, не проще ли думать, что использование его новгородскими иерархами домонгольского времени носило непоследовательный характер? Это кажется вполне объяснимым, учитывая титулярный характер новгородской архиепископии, не бывшей таковой в глазах Византии. Если так, то подозрение в редактуре с летописного употребления снимается, а вопрос о времени появления новгородской архиепископии требует нового рассмотрения.

То, что запись о смерти сыновей Ярослава Владимировича, варварски сбита с стены собора в начале XIX в., всё-таки дошла до нас, собранная по фрагментам, нельзя не признать огромной удачей. Погружая нас в атмосферу трагического июня 1198 г., этот замечательный текст связывает между собой целый ряд имен, исторических событий и памятников культуры Новгорода конца XII в.

Summary

A. A. Gippius, V. V. Sedov

A Graffito-Inscription of 1198 Found in St. George's Cathedral of the Yuriev Monastery

This article consists of a publication of one of the most important graffiti-inscriptions on fragments of fresco plaster found in the course of excavations in 2014 in St. George's Cathedral in Novgorod's Yuriev Monastery. The graffito was a note recording the death of Prince Yaroslav Vladimirovich's sons, Iziaslav and Rostislav, who according to evidence in the chronicle died in the early summer

of 1198 and were buried in the monastery's cathedral. The precise dates included in the text (the burial of Iziaslav on June 15th and the death of Rostislav on June 20th) shed light on the circumstances, in which on June 8, 1198 the foundations were laid for the Church of the Transfiguration on Nereditsa Hill, which is thought to have been founded in connection with the death of the Prince's sons.